

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 618–631. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

Pleshakov A. M., Shkabin G. S. *Ugolovno-pravovoe znachenie zhyvotnykh i ikh ispol'zovanie pri ispolnenii nakazaniya: kriticheskiy analiz pravoprimeritel'noy praktiki* [The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 618–631. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

УДК 343.3/.7; 343.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631

Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики

А. М. Плешаков

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: pam7185@ya.ru

Г. С. Шкабин

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: uprzn@ya.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2025

Введение: статья посвящена комплексному анализу двойственной роли животных в правовой сфере: как инструмента совершения преступлений и как потенциального средства в программах ресоциализации осужденных и предупреждения рецидива. **Актуальность** исследования обусловлена пробелами в законодательном регулировании и правоприменительной практике. Обращается внимание на необходимость поиска новых методов исправления в свете реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». **Целью** работы является критический анализ правоприменительной практики по делам о преступлениях, совершенных с использованием животных, и оценка перспективности применения зарубежного опыта программ ресоциализации в российских условиях. **Задачи** исследования включают: выявление типичных способов использования животных в преступной деятельности; анализ проблем квалификации таких деяний; изучение потенциала использования животных в пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. **Методы:** исследование основано на диалектическом методе познания с применением общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, контент-анализ) методов. Проанализировано более 5000 приговоров судов РФ за 2020–2025 годы, проведены нарративные интервью с сотрудниками исправительных учреждений. **Результаты:** установлено, что животные (преимущественно собаки) используются при совершении разбоя, хулиганства и насилия в отношении представителя власти, выступая орудием преступления. Выявлены проблемы в правовой оценке и квалификации деяний. Проанализирован зарубежный опыт программ ресоциализации с участием животных, демонстрирующий их положительное влияние на осужденных. **Выводы:** обосновывается

© Плешаков А. М., Шкабин Г. С., 2025



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Information for citation:

Pleshakov A. M., Shkabin G. S. *Ugolovno-pravovoe znachenie zhyvotnykh i ikh ispol'zovanie pri ispolnenii nakazaniya: kriticheskiy analiz pravoprimeritel'noy praktiki* [The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 618–631. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 618–631. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

UDC 343.3/.7; 343.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631

The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice

A. M. Pleshakov

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: pam7185@ya.ru

G. S. Shkabin

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: uprzn@ya.ru

Received 04 Jun 2025

Introduction: the article is devoted to a comprehensive analysis of the dual role of animals in the legal sphere: as an instrument for committing crimes and as a potential means to be used in programs for the resocialization of convicts and the prevention of recidivism. The relevance of the study is due to gaps in legislative regulation and law enforcement practice. The authors highlight the need to search for new methods of correction in light of the implementation of the Federal Law ‘On Probation in the Russian Federation’. **Purpose:** the paper aims to provide a critical analysis of law enforcement practice in cases of crimes committed with the use of animals and to assess the prospects for applying foreign experience in resocialization programs in Russia. The **objectives** of the study are as follows: to identify typical ways of using animals in criminal activities; to analyze the problems of qualifying such acts; to study the potential for using animals in penitentiary and post-penitentiary probation. **Methods:** the study is based on the dialectical method of cognition with the use of general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, statistical methods, content analysis). In the course of the research, more than 5,000 sentences passed by Russian courts in 2020–2025 were analyzed, narrative interviews with employees of correctional institutions were conducted. **Results:** the study has found that animals (mainly dogs) are used in the acts of robbery, hooliganism, and violence against government officials, serving as an instrument of crime. Problems in the legal assessment and qualification of such acts were identified. Foreign experience in resocialization programs with the participation of animals was analyzed, demonstrating their positive impact on convicts. **Conclusions:** the paper substantiates the need for further research on the problems of using animals in criminal activities and on

© Pleshakov A. M., Shkabin G. S., 2025



This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

необходимость дальнейших исследований проблем использования животных в преступной деятельности и потенциала анималотерапии для ресоциализации. Предлагается провести эмпирическое обобщение данных о таких преступлениях и разработать экспериментальные программы ресоциализации с участием животных в российских условиях.

Ключевые слова: зоологические преступления; животные; животные как орудие преступления; предупреждение преступлений; рецидив; социальные программы; ресоциализация осужденных

The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice

A. M. Pleshakov

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: pam7185@ya.ru

G. S. Shkabin

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: uprzn@ya.ru

Received 04 Jun 2025

Introduction: the article is devoted to a comprehensive analysis of the dual role of animals in the legal sphere: as an instrument for committing crimes and as a potential means to be used in programs for the resocialization of convicts and the prevention of recidivism. The relevance of the study is due to gaps in legislative regulation and law enforcement practice. The authors highlight the need to search for new methods of correction in light of the implementation of the Federal Law 'On Probation in the Russian Federation'. **Purpose:** the paper aims to provide a critical analysis of law enforcement practice in cases of crimes committed with the use of animals and to assess the prospects for applying foreign experience in resocialization programs in Russia. The **objectives** of the study are as follows: to identify typical ways of using animals in criminal activities; to analyze the problems of qualifying such acts; to study the potential for using animals in penitentiary and post-penitentiary probation. **Methods:** the study is based on the dialectical method of cognition with the use of general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, statistical methods, content analysis). In the course of the research, more than 5,000 sentences passed by Russian courts in 2020–2025 were analyzed, narrative interviews with employees of correctional institutions were conducted. **Results:** the study has found that animals (mainly dogs) are used in the acts of robbery, hooliganism, and violence against government officials, serving as an instrument of crime. Problems in the legal assessment and qualification of such acts were identified. Foreign experience in resocialization programs with the participation of animals was analyzed, demonstrating their positive impact on convicts. **Conclusions:** the paper substantiates the need for further research on the problems of using animals in criminal activities and on the potential of animal-assisted therapy for resocialization. It is proposed to conduct empirical generalization of data on such crimes and to develop experimental resocialization programs with the participation of animals in Russia.

Keywords: zoological crimes; animals; animals as instruments of crime; crime prevention; recidivism; social programs; resocialization

Введение

Статья посвящена анализу нескольких сфер социальной практики, связанных с использованием животных, как в негативном, так и в позитивном плане. Такое соотношение обусловлено огромным диапазоном законодательных и ведомственных предписаний, определяющих запреты, ограничения,

разрешения или дозволения во взаимоотношениях с животными. Однако нередко такие правоустановления противоречат друг другу. В связи с этим было проведено сопоставление нормативных актов об обращении с животными с уголовными и уголовно-исполнительными категориями: «преступление», «наказание», «предупреждение рецидива», «исправление осужденного», «ресоциализация» и др.

the potential of animal-assisted therapy for resocialization. It is proposed to conduct empirical generalization of data on such crimes and to develop experimental resocialization programs with the participation of animals in Russia.

Keywords: zoological crimes; animals; animals as instruments of crime; crime prevention; recidivism; social programs; resocialization

Information in Russian

Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики

А. М. Плешаков

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: pam7185@ya.ru

Г. С. Шкабин

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: uprzn@ya.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2025

Введение: статья посвящена комплексному анализу двойственной роли животных в правовой сфере: как инструмента совершения преступлений и как потенциального средства в программах ресоциализации осужденных и предупреждения рецидива. **Актуальность** исследования обусловлена пробелами в законодательном регулировании и правоприменительной практике. Обращается внимание на необходимость поиска новых методов исправления в свете реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». **Целью** работы является критический анализ правоприменительной практики по делам о преступлениях, совершенных с использованием животных, и оценка перспективности применения зарубежного опыта программ ресоциализации в российских условиях. **Задачи** исследования включают: выявление типичных способов использования животных в преступной деятельности; анализ проблем квалификации таких деяний; изучение потенциала использования животных в пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. **Методы:** исследование основано на диалектическом методе познания с применением общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, контент-анализ) методов. Проанализировано более 5000 приговоров судов РФ за 2020–2025 годы, проведены нарративные интервью с сотрудниками исправительных учреждений. **Результаты:** установлено, что животные (преимущественно собаки) используются при совершении разбоя, хулиганства и насилия в отношении представителя власти, выступая орудием преступления. Выявлены проблемы в правовой оценке и квалификации деяний. Проанализирован зарубежный опыт программ ресоциализации с участием животных, демонстрирующий их положительное влияние на осужденных. **Выводы:** обосновывается необходимость дальнейших исследований проблем использования животных в преступной деятельности и потенциала анималотерапии для ресоциализации. Предлагается провести эмпирическое обобщение данных о таких преступлениях и разработать экспериментальные программы ресоциализации с участием животных в российских условиях.

Ключевые слова: зоологические преступления; животные; животные как орудие преступления; предупреждение преступлений; рецидив; социальные программы; ресоциализация осужденных

Introduction

This article analyzes several spheres of social practice related to the use of animals, both in negative and positive terms. There is an extensive range of legislative and departmental regulations that establish prohibitions,

restrictions, permissions in relations with animals. However, such legal regulations often contradict one another. Our study focuses on normative acts concerning the handling of animals and the criminal and penal categories such as 'crime', 'punishment', 'recidivism prevention', 'correction of the convicted', 'resocialization', and others.

В работе предпринята попытка проанализировать такую неприемлемую форму поведения, как действия лица, использующего животное для совершения общественно опасного деяния. Условно и стилизованно назовем такие деяния «зоологическими преступлениями». В структуре всех общеуголовных преступных посягательств они занимают весьма незначительное место. В статистическом плане во всех странах мира в государственных правоохранительных структурах они отдельно не фиксируются. Нет данных об их количестве и о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за их совершение, то есть они «латентны».

Использование животных при совершении общественно опасных деяний можно определить как необычное, но хаотичное явление. Этот феномен наблюдается иррегулярно, от случая к случаю, то есть такие действия независимы друг от друга. Однако опыт правоохранительной деятельности показывает, что рассматриваемые преступления совершаются постоянно, из года в год, из десятилетия в десятилетие. Хаотичность и постоянство – диалектически разные категории, что, однако, не противоречит закону логики о единстве и борьбе противоположностей.

С целью исследования этого негативного явления были изучены более 5000 приговоров судов Российской Федерации, вынесенных в 2020–2024 годах по всем общеуголовным преступлениям, где использовался ключевой термин «животное», и правовые ситуации, сопряженные с этой смысловой единицей. Соответственно, не учитывались процессуальные акты, где слово «животное» не имело непосредственного отношения к совершению преступления с участием биологической особи, например, «кража статуэтки с изображением собаки», «хищение шкуры животного», «разбой с применением ножа, ручка, которого стилизована под животное» и т. п.

В результате обобщения данных были определены три наиболее распространенных зоологических преступления – разбой, хулиганство и применение насилия в отношении представителя власти. Однако их доля в общей структуре таких преступлений остается весьма незначительной – от 1 до 1,5 %. Животные в этих общественно опасных деяниях в зависимости от ситуации определяются по-разному: как орудие преступления, как предмет, используемый как оружие, как специальное средство, как пробация и т. п.

В свою очередь о позитивной правовой роли животных давно и хорошо известно. Они используются для задержания преступников, охраны зданий и сооружений, конвоирования осужденных, поиска наркотиков и оружия и т. д. Однако нормативное регулирование их применения нередко бывает неполным или непоследовательным.

В отдельных правовых актах о животных вообще не говорится, но их участие в правоприменительной деятельности косвенно предполагается или допускается не только с нормативных, но и с социально-психологических позиций. В частности, таким законом является Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О пробации»), одной из целей которого является предупреждение совершения нового преступления со стороны лица, подвергнутого пробации, то есть недопущение им рецидива.

По смыслу закона предупреждение рецидива преступлений может быть достигнуто за счет коррекции социального поведения и ресоциализации осужденных, что, видимо, вполне возможно с привлечением домашних животных, в первую очередь собак. Такие программы и практика их использования уже достаточно давно реализуются за рубежом.

С помощью методов логико-юридического исследования и сравнительного правоведения мы попытались интерпретировать результаты такой практики применительно к российской правовой действительности. Высказывалось не только критическое отношение к подобным программам – выделялись и позитивные аспекты при их возможном принятии. Ведь в конечном итоге это один из возможных путей по предупреждению рецидива преступлений. По существу, такие программы представляют собой новую форму ресоциализационной стратегии, которая может содержать значительный общественно полезный потенциал.

Об использовании собак для коррекции социального поведения в российских уголовно-правовых науках еще не говорилось. Однако это, на наш взгляд, становится достаточно актуальным, во-первых, ввиду принятия ФЗ «О пробации», а во-вторых, в связи с необходимостью научных изысканий в этом направлении пенологии.

1. Умышленные преступления, совершенные с использованием животных

1.1. Разбой с использованием животных: особенности объективных и субъективных признаков

В соответствии со статьей 162 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) разбой – это нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Изучение судебной практики показало, что разбой с использованием животных является одним из самых распространенных корыстно-насильственных посягательств в весьма ограниченном объеме всех зоологических преступлений.

The work attempts to analyze such an unacceptable form of behavior as actions of a person using an animal to commit a socially dangerous act. Such acts can be referred to as ‘zoological crimes’. In the structure of all conventional criminal offenses, they hold a rather insignificant place. Statistically, in all countries around the world, they are not registered by state law enforcement agencies separately. There is no data on their number or on individuals brought to criminal liability for their commission. In other words, they are ‘latent’.

The use of animals in socially dangerous acts can be characterized as an unusual and chaotic phenomenon. This phenomenon is observed irregularly, from case to case, this meaning that such actions are independent of one another. However, as shows law enforcement practice, these crimes are committed consistently, year after year, decade after decade. Chaos and consistency are dialectically distinct categories, which, however, does not contradict the law of the unity and struggle of opposites.

To investigate this negative phenomenon, we examined over 5,000 sentences passed by courts of the Russian Federation between 2020 and 2024 for all conventional criminal offenses where the key term ‘animal’ was used; we also studied legal situations associated with this semantic unit. Accordingly, we did not consider procedural acts where the word ‘animal’ had no direct relevance to the commission of a crime involving a biological entity, for example, ‘theft of a dog figurine’, ‘theft of an animal’s skin’, ‘robbery involving a knife the handle of which is shaped like an animal’, and so on.

As a result of data synthesis, we have identified three most common zoological crimes: robbery, hooliganism, and violence against a representative of the authorities. The proportion of these crimes committed with the use of animals within the overall structure of such crimes remains quite insignificant, ranging from 1 % to 1.5 %. The role of animals in these socially dangerous acts varies depending on the context: animals may be classified as an instrument of a crime, objects used as weapons, special means, or constructive elements of violent methods of committing a crime, etc.

As to the positive legal role of animals, it has long been recognized. Animals are employed for apprehending criminals, securing buildings and facilities, escorting convicted individuals, searching for drugs and weapons, etc. However, the regulatory framework governing the use of animals is often incomplete or inconsistent.

In some legal acts, animals are not mentioned at all, while their involvement in law enforcement activities is implicitly inferred or permitted, not only from normative but also from socio-psychological perspectives. A pertinent example of such legislation is the Federal Law ‘On Probation in the Russian Federation’¹ (hereinafter referred to as the Federal Law ‘On Probation’). One of the objectives of this law is to prevent the commission of new crimes by individuals under probation, in other words, to avert recidivism.

According to the provisions of the law, it is possible to prevent criminal recidivism through the correction of social behavior and the resocialization of convicts, which appears to be feasible with the involvement of domestic animals, primarily dogs. Such programs and practices have been effectively implemented abroad for quite some time.

Using the methods of logical-legal analysis and comparative jurisprudence, we sought to interpret the results of such practices in relation to the Russian legal reality. The paper not only provides a critical engagement with such programs but also highlights positive aspects associated with their potential adoption. Ultimately, this is one of the possible ways to prevent recidivism of crimes. Essentially, such programs represent a new form of resocialization strategy, which could contain significant socially beneficial potential.

The use of dogs for the correction of social behavior has not yet been discussed in Russian criminal law sciences. However, it seems increasingly relevant, firstly, in light of the adoption of the Federal Law ‘On Probation’ and, secondly, due to the need for scientific research in this area of penology.

1. Deliberate Crimes Committed Using Animals

1.1. Robbery Involving Animals: The Objective and Subjective Characteristics

According to Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter also referred to as the Criminal Code), robbery is defined as an assault committed with the intent to steal someone else’s property, accompanied by the use of violence dangerous to the life or health of the victim or by the threat of such violence. Our analysis of judicial and investigative practices has revealed that robbery involving animals represents one of the most common forms of property-related violent offenses among all zoological crimes.

¹ О пробации в Российской Федерации: Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 6, ст. 911.

¹ On Probation in the Russian Federation: Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2023. No. 6. Art. 911.

При совершении этого общественно опасного деяния и его квалификации возникает несколько проблем, связанных с установлением объективных и субъективных признаков состава преступления. Это касается: механизма физического нападения животного; определения параметров предмета, используемого для изъятия имущества; характера угрозы причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего.

При разбое уголовно-правовое «нападение» совершает виновный, а животное используется им лишь как инструмент (орудие) для достижения преступной цели. Как показывает опыт правоохранительной практики, для совершения разбойных нападений в абсолютном большинстве случаев виновные задействуют различных собак.

Напасть означает «внезапно броситься, неожиданно атаковать, быстро перемещаться в пространстве, стремительно приближаться с целью нанесения урона». Такие физические действия совершаются в два этапа и состоят в натравливании собаки на человека, а затем в неблагоприятном контакте с потерпевшим.

В свою очередь натравливание (от глагола «травить») представляет собой искусственное и целенаправленное возбуждение агрессии по отношению к жертве. Этот процесс осуществляется по команде виновного вербальным образом или конклюдентными действиями. С позиции кинологии (науки о собаках) команда представляет собой условный раздражитель, который вырабатывает определенные действия у животного. Соответственно, натравливание – это предтеча физической агрессии, первоначальный этап в механизме нападения. При контакте с потерпевшим собака кусает за руки, за ноги, за половые органы, сбивает жертву на землю, удерживает на месте. Может нанести лоскутные или рваные раны. Виновный пользуется этим и изымает деньги, ценные вещи, вырывает сумки, барсетки, ручную кладь либо потерпевший вынужден сам отдавать имущество.

Верховный Суд РФ в своем Постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ рекомендовал собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, определять в качестве предмета, используемого как оружие (в настоящее время – ч. 2 ст. 162 УК). Следовательно, опасная собака – это предмет, материальный субстрат, поражающие свойства которого сопоставимы с холодным оружием колюще-режущего типа [4]. Данное положение не противоречит и гражданскому законодательству. В соответствии со статьей 137 Гражданского кодекса РФ животные – это вещи, предметы («одушевленные»), поскольку к ним применяются общие правила об имуществе.

В вышеназванном постановлении высшего судебного органа страны словосочетание «опасные

животные» не является формальным установлением. Этот термин представляет собой правовой ориентир (маркер), позволяющий оценивать ситуацию разбоя в динамике с учетом конкретных обстоятельств дела и физической роли биологического существа в преступлении. Опыт правоохранительной деятельности показывает, что для разбойных нападений в абсолютном большинстве случаев виновные используют таких опасных собак, как питбульер, американский стаффордширский терьер, ротвейлер, немецкая овчарка, доберман-пинчер, бульдог и др.

В вышеназванном постановлении Пленума разъясняется, что предметом, используемым как оружие, могут признаваться и другие опасные для жизни и здоровья животные. Это те биологические особи, которые приспособлены человеком для охраны имущества или защиты территории. К ним могут относиться леопарды, гепарды, пумы, медведи, человекообразные обезьяны, крупные хищные птицы и др. При дрессировке они, видимо, способны «переквалифицироваться» в оружие для разбоя. Однако в российской судебной-следственной практике такие случаи пока не зафиксированы.

В юридической литературе было высказано мнение, что при разбое могут использоваться и змеи [8, с. 127]. Правда не уточнялось, какие из них – ядовитые или нет. При любом варианте это, на наш взгляд, представляется маловероятным. Критическое отношение к данному мнению базируется на том, что рептилии не поддаются обучению, не привыкают к человеку и не выполняют его распоряжений. Соответственно, использовать змею физически, в качестве непосредственного орудия преступления, то есть «натравить» ее и заставить напасть на жертву по команде, не реально.

В свою очередь запугать человека нападением змеи, демонстрируя ее и угрожая бросить в потерпевшего, видимо, возможно, поскольку многие люди боятся рептилий генетически, по древней наследственной памяти. Однако и это, на наш взгляд, представляется гипотетическим вариантом. При таком развитии событий скоротечная ситуация разбоя может выйти из-под контроля виновного, поскольку ему одновременно необходимо следить за поведением потерпевшего, его защитными действиями, удерживать змею и обеспечивать изъятие имущества.

До настоящего времени в российской судебной-следственной практике случаев использования рептилий для совершения разбоя не зафиксировано. Вместе с тем проведенное исследование показало, что в правоприменительной деятельности сложился ряд противоречивых тенденций по поводу установления признаков «одушевленного» предмета, используемого как оружие.

When classifying this socially dangerous act, several issues arise concerning the establishment of the objective and subjective characteristics of the crime. These issues pertain to: the mechanisms of a physical attack by the animal; defining the parameters of the object used to expropriate property; the nature of the threat of harm to the life or health of the victim.

In cases of robbery, the ‘assault’ is executed by the perpetrator, while the animal is utilized merely as a tool (instrument) to achieve the criminal objective. As law enforcement experience shows, in the vast majority of cases in ‘zoological’ robberies perpetrators employ dogs of various breeds.

The verb ‘to attack’ denotes a sudden rush forward, an unexpected assault, a rapid movement through space, or a swift approach with the intent to inflict harm. Such physical actions occur in two stages: the dog is incited to attack an individual, this followed by an adverse contact with the victim.

The act of inciting to attack means an artificial and purposeful stimulation of aggression toward the victim. This process is executed per the perpetrator’s verbal commands or implicit actions. From the perspective of cynology (the study of dogs), a command represents a conditional stimulus that elicits specific behaviors from the animal. Accordingly, inciting to attack constitutes a precursor to physical aggression, representing an initial stage in the mechanism of attack. When engaging with the victim, a dog may bite the hands, legs, or genitalia, knock the victim to the ground, or hold them in place, inflicting superficial or lacerating wounds. This enables the perpetrator to demand money, valuable items, or to forcibly seize bags, wallets, or personal belongings, or the victim may be compelled to relinquish their possessions voluntarily.

The Supreme Court of the Russian Federation, in its Plenum’s Resolution ‘On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Assault’¹, recommended that dogs or other animals that pose a danger to human life or health should be categorized as objects used as weapons (currently referenced in Part 2 of Article 162 of the Criminal Code). Accordingly, a dangerous dog is an object whose harm-inflicting properties are comparable to those of cold weapons of the stabbing-cutting type [4]. This position does not contradict civil legislation: according to Article 137 of the Civil Code of the Russian Federation, animals are objects, ‘animate’ things as general property rules apply to them.

In the aforementioned Resolution of the country’s highest judicial body, the word combination ‘dangerous

animals’ is not a formal term. It serves as a legal guideline (marker) allowing for the assessment of robbery situations dynamically, with the consideration of the specific circumstances of the case and the physical role of the biological entity in the crime. As shows law enforcement experience, in the vast majority of robbery cases, perpetrators use dangerous dogs such as Pit Bull Terriers, American Staffordshire Terriers, Rottweilers, German Shepherds, Doberman Pinchers, Bulldogs, and others.

The Plenum’s Resolution clarifies that other dangerous animals that may pose a threat to life and health can also be recognized as objects used as weapons. These are biological entities that have been adapted by humans for property protection or territory defense. They may include leopards, cheetahs, pumas, bears, primates, large predatory birds, and others. With training, these animals are seemingly able to ‘transform’ into weapons for robbery. However, such cases have not yet been registered in Russian judicial-investigative practice.

In legal literature, an opinion has been expressed that snakes could also be used in robberies [8, p. 127]. However, it is not specified whether this concerns venomous snakes or not. In either case, this seems unlikely in our view. A critical perspective on this opinion is based on the assertion that reptiles cannot be trained, do not become accustomed to humans, and do not follow commands. Consequently, using a snake physically as a direct instrument of a crime, that is, ‘inciting’ and commanding it to attack a victim, appears to be an unrealistic idea.

On the other hand, it seems feasible to intimidate a person with a snake attack by displaying it and threatening to throw it at the victim, as many people are genetically afraid of reptiles due to ancient hereditary memory. Yet, in our view, it also appears to be a hypothetical scenario. In such a case, the rapidly unfolding situation of robbery may escape the control of the perpetrator as they would need to monitor the victim’s behavior and defensive actions while restraining the snake and expropriating property.

To date, there have been no registered instances of reptiles used in robberies in Russian judicial and investigative practice. Meanwhile, the conducted research has shown that a number of contradictory tendencies have emerged in law enforcement practice regarding the establishment of the characteristics of an ‘animate’ object used as a weapon.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

¹ On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Assault: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of December 27, 2002 (as of December 15, 2022). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2003. No. 2.

Во-первых, из материалов уголовного дела иногда остается неясным, что это за «зверь», с помощью которого осуществлялся разбой. Нередко указывается, что преступление совершено с помощью «крупной» собаки; «опасной» собаки; «злой» собаки; «собаки больших размеров»; «высотой в холке более 50 сантиметров» и т. п. Вышестоящие суды вынуждены реагировать на такого рода правовые упущения.

Так, Белгородский областной суд в своем апелляционном определении на приговор районного суда по уголовному делу о разбое указал, что применение животного в качестве предмета, используемого как оружие, не нашло своего подтверждения в судебном заседании. Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что стороной обвинения не было представлено заключение кинологической экспертизы о породе собаки¹.

Во-вторых, судебно-следственная практика показывает, что для осуществления разбоя виновные иногда используют собак, которые в социально-бытовом окружении известны как «дворняги». В силу невозможности использования в официальных документах таких обиходных (разговорных) слов, как «дворняжка», «дворовая порода», «двор-терьер» и других подобных номинаций, следственные органы и суды стараются выйти из этой ситуации с помощью псевдокинологических терминов-заменителей. В процессуальных документах подчас указывается, что виновный совершил разбойное нападение с использованием собаки «бытовой породы», «простой породы», «породы метис» и т. п. Соответственно, предмет преступления остается неопределенным.

Понятие «порода» означает общность происхождения и ряд морфологических особенностей, стойко передающихся по наследству [9, с. 36–42]. У дворовых собак этого нет, как у «дворовой» породы. Соответственно, любая «дворняга» – это гибрид (помесь), то есть животное, полученное от скрещивания генетически разных биологических особей. Это те животные, которые в кинологии имеют название «сложный (неустановленный, смешанный) полигибрид». На наш взгляд, подобное понятие вполне пригодно и для материального и процессуального правоприменения. В данной номинации (полигибрид) могут отражаться и другие конкретные признаки.

В-третьих, в судебно-следственной практике наблюдается и такая тенденция, как определение «предмета» разбоя с помощью выдуманных, не существующих в кинологии собак. В процессуальных документах нередко указывается, что преступление совершено с использованием: собаки «бойцовой породы», «охотничьей», «сторожевой», «агрессивной породы», собаки «для охоты на крупного зверя»,

«монгольско-тибетской», «северокавказской породы» и т. п. В нормативных бланкетных актах и в социальной действительности таких пород не существует.

Разумеется, подобные тенденции в практике правоприменения заслуживают критического отношения. По своему внешнему выражению все эти номинации представляют собой лишь указание на использование некоего абстрактного холодного оружия. Соответственно, событие разбоя юридически размывается, поскольку не отвечает требованиям существенных признаков в формуле доказывания – с чьей помощью, каким образом совершено преступление (*quibus auxiliis, quomodo* – лат.).

Разбой считается оконченным преступлением, когда используется только угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, а физический вред при этом не причиняется. Запугивание жертвы нападением собаки – один из наиболее распространенных способов преступления. По данным нашего исследования, более чем в 72 % случаев от числа всех «зоологических» разбоев применялось такого рода психическое воздействие. Физическое насилие фиксировалось значительно реже – примерно в каждом третьем случае (28 %).

Такое «предпочтение» в способах нападения, видимо, объясняется тем, что собака не может сразу (моментально) прекратить свои агрессивные действия. Виновному необходимо какое-то время и усилия для того, чтобы остановить нападение, оттащить животное от жертвы. Однако в этот период «динамика» преступления способна выйти из-под контроля, и виновный может не достичь своей цели по изъятию имущества.

1.2. Хулиганство и преступления, совершаемые из хулиганских побуждений

В структуре Особенной части УК РФ хулиганство представляет собой преступление против общественного порядка. В соответствии со статьей 213 УК РФ преступное деяние определяется как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Согласно пункту «а» части 1 уголовно-правовой нормы ответственность наступает за хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам либо с угрозой его применения. В соответствии с частью 2 статьи 213 УК РФ уголовно наказуемым признается деяние, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Высший судебный орган страны в Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве или иных преступлениях, совершенных из

Firstly, it sometimes remains unclear from the materials of criminal cases what type of ‘animal’ was used to carry out the robbery. It is often stated that the crime was committed using a ‘large’ dog; a ‘dangerous’ dog; an ‘aggressive’ dog; a ‘large-size’ dog; a dog ‘over 50 centimeters tall’, etc. As a result, higher courts are compelled to respond to such legal omissions.

For example, the Belgorod Regional Court, in its appellate ruling regarding a district court’s verdict in a robbery case, indicated that the use of an animal as an object employed as a weapon had not been confirmed during the judicial proceedings. The basis for this conclusion was the fact that the prosecution did not provide a cynological examination report on the dog’s breed¹.

Secondly, judicial and investigative practice shows that, in carrying out robberies, perpetrators sometimes use dogs that are informally known as ‘mongrels’. Due to the impossibility of using colloquial terms such as ‘mongrel’, ‘yard breed’, ‘yard-terrier’, and other similar definitions in official documents, investigating authorities and courts strive to navigate this issue using pseudo-cynological terms as substitutes. In procedural documents, it is sometimes noted that the perpetrator committed the robbery using a dog of the ‘domestic breed’, ‘ordinary breed’, ‘mixed breed’, etc. Consequently, the object of the crime remains undefined.

The concept of ‘breed’ implies a common ancestry and a range of morphological features that are reliably transmitted according to the laws of inheritance [9, pp. 36-42]. Mongrels lack it as they are not of a ‘certain’ breed. Therefore, any ‘mongrel’ is a hybrid (a mix), this meaning an animal obtained from crossing genetically different biological individuals. In cynology, these animals are referred to as complex (undefined, mixed) polyhybrids. In our opinion, this term is quite applicable in both substantive and procedural law enforcement. This designation (polyhybrid) can also reflect other specific characteristics.

Thirdly, judicial and investigative practice exhibits a trend whereby the ‘object’ of robbery is defined with the use of invented, non-existent dog breeds. Procedural documents often state that the crime was committed using a dog of the ‘fighting breed’, ‘hunting breed’, ‘guard breed’, ‘aggressive breed’, a dog ‘for hunting large animals’, ‘Mongolian-Tibetan breed’, ‘North-

Caucasian breed’, etc. Such breeds exist neither in normative legal acts nor in social reality.

Obviously, such trends should be critically assessed in law enforcement practice. By their external expression, all these designations merely indicate the use of an abstract cold weapon. Consequently, the event of robbery becomes legally ‘blurred’ as it fails to meet the requirements of substantial characteristics in the formula of proof – by whose assistance and in what manner the crime was committed (*Lat. quibus auxiliis, quomodo*).

A robbery is considered a completed crime when only the threat of employing violence dangerous to the life or health of the victim is used, without physical harm caused. Intimidating a victim with a dog attack is one of the most common methods of committing such crimes. According to our research, more than 72% of all ‘zoological’ robberies involved this type of psychological coercion, while physical violence accounted for only one-third of cases (28%).

This ‘preference’ in attack methods seemingly arises from the fact that a dog cannot instantly cease its aggressive actions. The perpetrator needs some time and effort to stop the attack and pull the animal away from the victim. However, during this period, the ‘dynamics’ of the crime may slip out of the perpetrator’s control, and the perpetrator may fail to achieve their goal of expropriating property.

1.2. Hooliganism and Crimes Committed for Hooligan Motives

In the structure of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, hooliganism is classified as a crime against public order. According to Article 213 of the Criminal Code, this criminal act is defined as a gross violation of public order that demonstrates blatant disrespect for society. According to Item ‘a’ of Part 1 of this article, responsibility ensues for hooliganism committed with the use of violence against citizens or with a threat of such violence. According to Part 2 of Article 213 of the Criminal Code, an act committed with the use of objects utilized as weapons is considered punishable.

The country’s highest judicial authority, in its Plenum’s Resolution ‘On Judicial Practice in Criminal Cases of Hooliganism or Other Crimes Committed for

¹ Определение Белгородского областного суда по уголовному делу №22 -165/2015 от 4 февр. 2015 г. URL: <https://obsud--blg.sudrf.ru/>.

¹ Ruling of the Belgorod Regional Court in criminal case No. 22-165/2015 of February 4, 2015. Available at: <https://obsud--blg.sudrf.ru/>.

хулиганских побуждений»¹ подтвердил свою позицию, ранее высказанную в отношении разбоя, что предметом, используемым как оружие, могут быть животные, опасные для жизни или здоровья потерпевшего. Что это за животные – в Постановлении Пленума не разъяснялось. Опыт судебно-следственной деятельности показывает, что в абсолютном большинстве случаев предметом, используемым как оружие при хулиганстве, являются собаки. Фактов применения для совершения преступления возбужденных и агрессивных жеребцов, быков, верблюдов, пчел или других домашних или диких животных в российской практике пока не наблюдалось. Однако за рубежом подобные экзотические случаи иногда фиксируются.

В округе Хэмпден США произошел инцидент, получивший отражение в документах полиции и новостных сообщениях. 12 октября 2022 г. Рори С. Вудс (55 лет) прибыла на место выселения в Лонгмидоу с прицепом, груженным ульями. Утверждается, что она начала трясти ульи и снимать с них крышки, выпуская пчел на заместителей шерифа. Несколько сотрудников были ужалены, один из них, страдающий аллергией на пчелиные укусы, был госпитализирован. Вудс была арестована, и ей были предъявлены обвинения по нескольким статьям, включая нападение и нанесение побоев с применением «опасного оружия» (пчел) и нарушение общественного порядка. Шериф Ник Кокки заявил, что действия Вудс поставили под угрозу жизни людей².

При уголовно-правовой оценке таких конструктивно и взаимосвязанных признаков, как «грубость» нарушения общественного порядка, совершаемого с использованием животных, и «явность» неуважения к обществу, необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела: характер насильственных действий, их продолжительность, интенсивность, место и время совершения. Всегда это выражается в противопоставлении виновного правилам социального общежития, в открытом вызове общественному спокойствию, в демонстративном пренебрежении нормами морали.

При хулиганстве с использованием собак наблюдаются типичные ситуации объективного характера. Чаще всего преступление совершается в общественных местах – на улицах, в парках, скверах, возле магазинов, в местах отдыха и т. п. (90–95 % случаев). Виновный, как правило, находится в состоянии алкогольного опьянения (более 80 % случаев). В каждом четвертом хулиганстве (25 %) фиксируется жестокий способ совершения преступления, то есть причинение потерпевшему мучительных физических

страданий за счет длительного натравливания животного.

Для хулиганских действий типичным является и субъективное отношение виновного к содеянному. В большинстве случаев это внезапно возникший умысел, обусловленный бессмысленной «пьяной мотивацией». Грубое нарушение общественного порядка обычно происходит по надуманным мотивам, по незначительному поводу, по неясно выраженным побуждениям. Как показывает изучение судебно-следственной практики, в случаях натравливания собак на потерпевших виновные нередко объясняют свое поведение весьма неуверительно: «я сделал это просто так», «из интереса», «от нечего делать», «сам не знаю почему», «был в состоянии опьянения». В Особенной части УК РФ содержится ряд статей, в которых в качестве квалифицирующего признака преступления предусмотрено его совершение из хулиганских побуждений. Это, в частности, общественно опасные посяательства против: жизни (ст. 105 УК РФ); здоровья (ст. 111, 112, 115, 116 УК); собственности (ст. 167 УК); общественной безопасности (ст. 215.2, 215.3 УК); общественной безопасности (ст. 215.2, 215.3 УК); общественной нравственности (ст. 245 УК) и др. При совершении любого из них животные могут быть использованы в качестве орудия преступления. Соответственно, хулиганские побуждения, как и само хулиганство, могут определять поведение виновного не только по отношению к людям, но и к иным социальным ценностям – к чужому имуществу, к «одушевленным» предметам (другим животным), к объектам жизнеобеспечения, к нормам морали т. д. Так, Слободской районный суд Кировской области осудил некоего Т. за жесткое обращение с животным, совершенное из хулиганских побуждений (ст. 245 УК РФ). Виновный, находясь в алкогольном опьянении, в общественном месте, в многолюдном городском парке, натравил свою собаку породы питбультерьер на декоративную собаку (той-терьер) потерпевшей К. В подтверждение команды на атаку Т. указал рукой на объект нападения. От полученных укусов миниатюрное животное потерпевшей погибло. По заключению экспертизы, гибель той-терьера наступила от болевого шока и разрыва сердца. Перед смертью собака потерпевшей долго агонизировала и страдала. Почему он убил чужое животное и какими мотивами руководствовался – ни на следствии, ни в суде Т. объяснить не смог. Виновный лишь постоянно заявлял, что в тот момент он был в состоянии опьянения³.

Hooligan Motives'¹, confirmed its previously expressed position regarding robbery that animals dangerous to the life or health of the victim can be objects used as weapons. However, it is not clarified what specific animals are referred to in the Resolution. As judicial and investigative experience shows, in the overwhelming majority of cases, the object used as a weapon in hooliganism is dogs. There have been no registered instances of aggressive stallions, bulls, camels, bees, or other domestic or wild animals used to commit crimes in Russian practice. However, such exotic cases are occasionally documented abroad.

In Hampden County, USA, the following incident has been reported in police documents and in the news. On October 12, 2022, Rory S. Woods (55 years old) arrived at an eviction site in Longmeadow with a trailer carrying beehives. She allegedly began to shake the hives and remove their lids, thus releasing bees onto the sheriff's deputies. Several officers were stung, and one, who suffered an allergy to bee stings, was hospitalized. Woods was arrested and charged with several offenses, including assault and battery with the use of 'dangerous weapon' (bees) as well as disorderly conduct. Sheriff Nick Cocchi stated that Woods's actions endangered people's lives².

When assessing the criminal legal implications of such structurally interrelated features as the 'grossness' of the violation of public order and the 'obviousness' of disrespect for society in offenses with the use of animals, it is necessary to consider the specific circumstances of the case: the nature of the violent actions, their duration, intensity, place, and time of commission. It is always a case of the perpetrator's opposition to the rules of social coexistence, of an open challenge to public tranquility and demonstrative disregard for moral norms.

In hooliganism involving dogs, typical situations of an objective nature are observed. Most often, the crime is committed in public places – on streets, in parks, squares, near shops, and in recreational areas, etc. (90–95% of cases). The perpetrator is usually in a state of alcoholic intoxication (over 80% of cases). In every fourth hooliganism case (25%), a cruel method of committing

the crime is registered, which means infliction of excruciating physical pain on the victim through durable inciting the animal to attack.

A typical subjective attitude of the perpetrator toward their actions is also observed in hooligan acts. In most cases, it is a sudden intent driven by senseless 'drunken motivation'. Gross violations of public order typically occur for contrived reasons, over minor provocations, or on a vague impulse. As studies of judicial and investigative practices show, in cases of incitement to dog attacks on victims, perpetrators often inadequately explain their behavior with phrases such as 'I did it just like that', 'out of curiosity', 'because I had nothing else to do', 'I do not know why', or 'I was intoxicated'. In the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, there are several articles where, as a qualifying feature of the crime, it is stipulated that it was committed for hooligan motives. Among such crimes are socially dangerous encroachments against: life (Article 105 of the Criminal Code); health (Articles 111, 112, 115, 116); property (Article 167); public safety (Articles 215.2, 215.3); public morality (Article 245), etc. In any of these cases, animals can be used as tools of the crime. Accordingly, hooligan motives, as well as hooliganism itself, can dictate the behavior of the perpetrator in relation not only to people but also to other social values – property, 'animate' objects (other animals), life-supporting objects, moral norms, etc. For example, the Slobodsky District Court of the Kirov Region convicted an individual T. for cruel treatment of an animal committed for hooligan motives (Article 245 of the Criminal Code). The perpetrator, while under the influence of alcohol, incited his 'pit bull' to attack a decorative dog (toy terrier) of the victim K. To confirm the command for the attack, T. pointed at the object of the attack. The miniature dog of the victim died from the bites. According to the forensic conclusion, the death of the toy terrier resulted from pain shock and heart rupture. Before its death, the victim's dog suffered greatly and endured agony. When asked why he killed someone else's animal and what motives guided him, T. could not explain it during the investigation and in court. The perpetrator only repeatedly stated that he was intoxicated at the time³.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

² Woman accused of using bees to attack sheriff's deputies during Longmeadow eviction. URL: <https://www.cbsnews.com/boston/news/massachusetts-bee-attack-arrest-rorie-susan-woods/>.

³ Приговор Слободского районного суда Кировской области по уголовному делу №1-253/2019 от 4 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ On Judicial Practice in Criminal Cases of Hooliganism and Other Crimes Committed for Hooligan Motives: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of November 15, 2007 (as of November 26, 2024). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2008. No. 1.

² Woman accused of using bees to attack sheriff's deputies during Longmeadow eviction. *CBS News*. Available at: <https://www.cbsnews.com/boston/news/massachusetts-bee-attack-arrest-rorie-susan-woods/>.

³ Verdict of the Slobodsky District Court of the Kirov Region in criminal case No. 1-253/2019 of December 4, 2019. Access from the legal information system 'ConsultantPlus'.

Хулиганская мотивация определяется через понятие «хулиганство» и является комплексной психологической категорией. В этой структуре намерений и желаний виновного отражаются лишь отдельные стороны его психологического состояния, которые нередко содержат прямо противоположные стимулы поведения. В теории уголовного права до настоящего времени нет системного и полного определения хулиганских побуждений. Это критическое заключение, по нашему мнению, обусловлено безграничной вариативностью негативного и пренебрежительного отношения к социальным ценностям. Преступления, совершаемые с использованием собак, на наш взгляд, подтверждают данный вывод.

Вместе с тем анализ «зоологических» общественно опасных деяний, совершенных из хулиганских побуждений, выявил характерные особенности в поведении виновных. Это мотив самоутверждения собственного «я» за счет силы животного.

Потребность в самоутверждении, то есть в повышении значимости своей личности в собственных глазах, является антропологической константой. Эта постоянная биологическая величина означает, что человек, как общественное животное, не может обойтись без признания его со стороны других людей. Иными словами, это всегда рассматривается сквозь призму оценки со стороны других.

С позиции уголовного права мотив самоутверждения, на наш взгляд, представляет собой субъективное стремление виновного освободить себя от закона, «переступить черту». Это желание почувствовать свое превосходство над окружающими с помощью силы животного, убедить себя в собственной ценности, преодолеть внутреннюю неуверенность, проверить наличие волевых качеств и т. д. [1, с. 304, 306, 307]

1.3. Применение насилия в отношении представителя власти

В преступлении против порядка управления в части 1 статьи 318 УК РФ – предусмотрена ответственность за применение насилия, неопасного для жизни, здоровья, либо за угрозу применения такого насилия в отношении представителя власти; в части 2 данной уголовно-правовой нормы установлена ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего.

Проведенное исследование показало, что существует типичная ситуация использования животных против представителей власти. Подобное преступное поведение, как правило, осуществляется для противодействия законной деятельности любого представителя исполнительного органа государства. Виновные отказываются выполнять требования со-

трудников правоохранительных органов или сопротивляются этому при наложении ареста на имущество, проведении обыска или выемки, установлении личности, установлении местонахождения лица, подозреваемого в административном правонарушении или преступлении, при задержании лица, непосредственно осуществляющего противоправное деяние, при проведении оперативно-розыскного мероприятия в форме гласного обследования зданий, сооружений, участков местности и т. д. Противодействие и сопротивление сходные правовые понятия. По существу, это синонимы, поскольку, термин «сопротивление» и означает противодействие принуждению, физическому или психическому воздействию органов власти.

Действия виновного, использующего животных против законных действий сотрудников правоохранительных органов, являются своеобразной формой преступного поведения. Проведенное исследование показало, что для такого сопротивления используются домашние собаки самых разных пород или их сложные (смешанные) полигибриды («дворняги»). В материальном плане и в процессуальных документах «сопротивление», в котором участвуют собаки, оценивается по-разному. Иногда их в зависимости от обстоятельств дела определяют как орудие преступления либо как предмет, замещающий оружие, и т. п.

В Федеральном законе «О полиции»¹ (п. 3, 5 ч. 1 ст. 21) подобное сопротивление сотрудникам полиции связано с ситуацией задержания лица, совершающего преступление или административное правонарушение. Такие действия выражаются в активном уклонении от задержания с помощью силы животных.

Виновный применяет физическое насилие, натравливая собаку на потерпевшего, или угрожает ее нападением (психическое насилие), стараясь воспрепятствовать своему задержанию. Своеобразие этой ситуации в законодательном плане заключается в метаморфозе понятия «сопротивление» – его трансформации в понятие «вооруженное нападение на сотрудника полиции». В соответствии с Федеральным законом «О полиции» (ч. 2 ст. 23) под вооруженным нападением следует понимать действия, совершенные с использованием предметов, способных причинить тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшему. По существу, в законодательстве говорится о предметах, замещающих оружие (вооружение), и такими опасными «вещами» могут являться собаки – физически сильные, подчиняющиеся командам хозяина и способные к жестокому нападению на человека.

Исследование показало, что физическое насилие с использованием собак подчас характеризуются

Hooligan motivation is defined through the concept of 'hooliganism' and represents a complex psychological category. In this structure of the perpetrator's intentions and desires, only individual aspects of their psychological state are reflected, which often contain directly opposing behavioral stimuli. To date, there is no systemic and complete definition of hooligan motives in criminal law theory. The reason for that seems to lie in the limitless variability of negative and contemptuous attitudes toward social values. In our view, crimes involving the use of dogs confirm this conclusion.

At the same time, our analysis of socially dangerous acts committed for hooligan motives and classified as 'zoological' has revealed characteristic features in the behavior of the perpetrators. It is the motive of self-assertion through the strength of the animal.

The need for self-assertion, that is, the desire to enhance the significance of one's personality in their own eyes, is an anthropological constant. This constant means that a person, as a social animal, cannot do without recognition from others. In other words, it is always viewed through the lens of relationships with others.

From the perspective of criminal law, the motive of self-assertion, in our opinion, represents the subjective desire of the perpetrator to free themselves from the law, to 'cross the line'. This is a desire to feel superior to others through the strength of an animal, to convince oneself of one's own worth, to overcome inner insecurity, to test willpower, etc. [1, pp. 304, 306, 307].

1.3. The Use of Violence Against Representatives of Authority

In crimes against the order of governance, Part 1 of Article 318 of the Criminal Code establishes liability for the use of violence that does not endanger human life or health against a representative of authority, or for the threat of such violence, while Part 2 establishes liability for violence endangering the lives or health of such persons.

Our research has shown that there is a typical situation of using animals against representatives of authority. Such criminal behavior is generally aimed at counteracting lawful activities of representatives of the executive branch of government. Perpetrators refuse to comply with the demands of law enforcement officers or resist them when: their property is being seized; searches

or seizures are conducted; their identity is being established; the whereabouts of a person suspected of an administrative offense or crime are being established; a person committing an unlawful act is being apprehended; surveillance-and-search measures are carried out in the form of open inspections of buildings, structures, plots of land, etc. Counteraction and resistance are similar legal concepts. Essentially, they are synonyms as the term 'resistance' implies counteraction to coercion, to physical or psychological influence by the authorities.

The actions of a perpetrator using animals against lawful actions of law enforcement officers represent a peculiar form of criminal behavior. Our research has found that, in the overwhelming majority of cases, household dogs of various breeds or their complex (mixed) polyhybrids ('mongrels') are used for such resistance. In material sense and in procedural documents, 'resistance' involving dogs is assessed differently. Depending on the circumstances of the case, a dog may be identified as a tool of the crime, as an object substituting for a weapon, or as a constructive element of a violent method used to commit a socially dangerous act.

In the Federal Law 'On the Police'¹ (Items 3, 5 of Part 1 of Article 21), such resistance against police officers is associated with the situation of detaining a person committing a crime or an administrative offense. Such actions are expressed in active evasion from detention using the strength of animals.

Attempting to prevent his/her detention, a perpetrator applies physical violence by inciting a dog to attack the victim or threatens the victim with the dog's attack (psychological violence). The uniqueness of this situation in a legislative sense lies in the metamorphosis of the concept of 'resistance': it transforms into the concept of 'armed attack on a police officer'. According to the Federal Law 'On the Police' (Part 2 of Article 23), an armed attack is understood as actions committed using objects capable of causing serious harm to the health or death of the victim. In essence, legislation refers to objects substituting for weapons (armament), and such dangerous 'things' can include dogs – physically strong, obedient to their owner's commands, and capable of brutally attacking person.

The research has shown that physical violence involving dogs is sometimes characterized

¹ О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900. П. 3, 5 ч. 1 ст. 21.

¹ On the Police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2011. No. 7. Art. 900. Items 3, 5 of Part 1 of Art. 21.

ется интенсивностью нападения. Понятие «интенсивность» означает уровень напряженности усилий [5, с. 216]. В юридической литературе под интенсивностью посягательства понимается способ действий, сила и стремительность агрессии, то есть это признаки, которые определяют характер и степень общественной опасности деяния [7, с. 26]. В преступлениях с использованием животных уровень настойчивости усилий виновного (напряженность действий) определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств. Это последовательность лица в отдаче команд собаке, согласованность действий человека и животного, длительность агрессивного поведения биологической особи, направленного на причинение вреда потерпевшему, и т. п.

В качестве иллюстрации интенсивности нападения можно привести ситуацию из уголовного дела в отношении В., обвиняемого в применении насилия к представителям власти. Соседи В., находившегося в сильной степени опьянения, вызвали полицию, чтобы прекратить противоправное поведение виновного. После того как подъехала служебная автомашина, В. сразу отдал своей собаке, которая была без намордника, команду на нападение. Собака породы питбультерьер вела себя агрессивно, прыгнула на дверцу автомобиля, засунула голову в салон, так как окно было на три четверти открыто, рычала, скалилась и пыталась вцепиться в полицейского. Животное настойчиво выполняло неоднократные команды хозяина на нападение. На требования правоохранителей убрать собаку виновный не реагировал.

Один из полицейских из салона автомобиля применил оружие и ранил питбультерьера. Затем сотрудники ОВД вышли из автомашины и надели наручники на виновного. Однако В., лежа на земле, вновь стал отдавать приказы на нападение своей раненой собаке. Животное опять начало двигаться в сторону полицейских, хотя и не столь быстро. Сотрудник полиции во второй раз был вынужден стрелять и убил питбультерьера. В судебном заседании действия правоохранителей были признаны необходимыми и правомерными¹.

В юридической литературе было высказано правильное, на наш взгляд, мнение, что если нападение животного, то есть применение насилия, в том числе к представителю власти, спровоцировано человеком, то речь идет о необходимой обороне. В этом случае животное выступает в качестве инструмента для осуществления воли виновного, который намеревался с помощью биологической особи совершить преступление [6, с. 13, 19].

Для отражения указанной формы вооруженного нападения или угрозы его совершения сотруднику полиции предоставлено право применять огнестрельное оружие (п. 2 ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О полиции»). По существу, это право на защиту как собственной жизни и здоровья, так и интересов

граждан, то есть реализация права на необходимую оборону [2, с. 116 и др.].

В этом плане отражение агрессивного поведения животного путем причинения ему вреда (вплоть до лишения жизни) подходит под так называемый принцип соразмерности, то есть соответствие какой-либо мере. Как указывалось в юридической литературе, основное значение при необходимой обороне следует придавать «соотношению размера защиты размерам нападения» [10, с. 120].

Как показало проведенное исследование, одной из наиболее распространенных ситуаций, связанных с противоправным использованием собак, является нападение на полицейских, которые стремятся пресечь хулиганские действия виновного. Фактически такие случаи представляют собой частные варианты противодействия законной деятельности представителей власти, о чем мы уже говорили, однако они имеют свои особенности объективного характера, поэтому мы и выделяем их.

Эта специфика заключается в том, что лицо, как правило, находится в состоянии алкогольного опьянения и, грубо нарушая общественный порядок, в первую очередь беспричинно натравливает собаку на окружающих граждан или прохожих. На требования прибывших правоохранителей о прекращении противоправных действий виновный обычно не реагирует и как бы по «инерции» натравливает животное уже на самих полицейских. Однако квалификация содеянного по совокупности преступлений (ст. 213 и 318 УК РФ) фактически не встречается.

Альтернативным вариантом преступного поведения, предусмотренного в статье 318 УК РФ, является и реальная угроза нападения животного на представителя власти. По данным нашего исследования, такая форма психического насилия фиксировалась более чем в 38 % случаев в общем объеме ситуаций использования собак против сотрудников полиции. Виновные натравливают животное, готовое броситься на человека, но сдерживают его, тем самым стараясь запугать полицейских и избежать задержания.

Подобные ситуации имеют универсальный характер. Они наблюдаются не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, в США, в округе Поттер штата Техас, некто Дж. Гарретт-младший в процессе затяжной ссоры со своими соседями Никсонами и собственным отцом, действуя из хулиганских побуждений, неоднократно угрожал применением насилия с помощью принадлежащего ему доберман-пинчера по кличке Тайни. После прибытия полицейских, которые пытались арестовать виновного, он продолжал свои преступные действия и натравливал животное уже на самих полицейских. Гарретт держал собаку в возбужденном состоянии за ошейник и, указывая то на одного полицейского, то на другого, отдавал команды, видимо, аналогичные нашим: «Фас!»,

by the intensity of the attack. The concept of 'intensity' refers to the level of tension in efforts [5, p. 216]. In legal literature, the intensity of encroachment is understood as the manner of actions, the strength, and swiftness of aggression – these are characteristics that determine the nature and degree of the social danger of the act [7, p. 26]. In crimes involving animals, the level of persistence in the perpetrator's efforts (the tension of actions) is determined by several interconnected circumstances. These include the consistency with which the individual gives commands to the dog, the coordination of actions between the human and the animal, the duration of the aggressive behavior of the biological entity aimed at causing harm to the victim, etc.

As an illustration of the intensity of the attack, let us consider a situation from a criminal case against V. who was accused of using violence against representatives of authority. Neighbors of V., who was heavily intoxicated, called the police to stop his unlawful behavior. After the police vehicle arrived, V. immediately commanded his dog, which was unmuzzled, to attack. The pit bull terrier behaved aggressively, jumped onto the car door, pushed its head into the cabin since the window was three-quarters open, growled, bared its teeth, and attempted to bite the policeman. The animal persistently followed its owner's repeated commands to attack. The perpetrator did not respond to the repeated requests from the law enforcement officers to remove the dog.

One of the police officers in the car used his weapon and shot the pit bull terrier. The officers then exited the vehicle and handcuffed the perpetrator. However, V., lying on the ground, again began to give commands for his wounded dog to attack. The animal started moving again toward the police officers, albeit not as quickly. The police officer was forced to shoot again and killed the dog. In the court hearing, the actions of the law enforcement officers were deemed necessary and lawful¹.

In legal literature, an opinion has been expressed that appears to us to be correct: if the animal's attack, that is, the use of violence, including against representatives of authority, is provoked by a person, then it constitutes necessary defense. In this case, the animal acts as a tool to carry out the will of the perpetrator who intended to commit a crime with the help of a biological entity [6, pp. 13, 19].

To repulse this form of armed attack or address the threat of its commission against a police officer, the police are vested with the right to use firearm (Article 23

(Item 2, Part 3) of the Federal Law 'On the Police'). Essentially, this right serves the protection both of police officers' lives and health and of the interests of citizens, it ensures the exercise of the right to necessary defense [2, p. 116 et al.].

In this context, inflicting harm on an aggressive animal (up to and including killing it) fits the so-called principle of proportionality, meaning conformity to a certain measure. As noted in legal literature, the main significance in necessary defense should be given to the 'ratio of the size of defense to the size of the attack' [10, p. 120].

The conducted research has revealed that one of the most common situations related to the unlawful use of dogs is their attacking police officers trying to curtail the perpetrator's hooligan actions. In fact, such situations represent a specific case of countering the lawful activities of representatives of authority, which was discussed above, but they have specific objective features, which is why we highlight them separately.

They are specific in that the individual is usually in a state of alcoholic intoxication and, in gross violation of public order, starts inciting a dog to attack, without cause, surrounding citizens or passers-by. Typically, the perpetrator does not respond to the demands of the arriving law enforcement officers to cease unlawful actions and, as if by 'inertia', proceeds with directing the animal at the police officers themselves. However, such situations are really classified as a combination of crimes (multiple counts) (Articles 213 and 318 of the Criminal Code).

An alternative to the criminal behavior provided for in Article 318 of the Criminal Code is the real threat of an animal attacking a representative of authority. According to our research, such a form of psychological violence was registered in more than 38% of cases involving the use of dogs against police officers. Offenders threaten to release the animal, which is ready to attack, but hold it back, trying to intimidate the police and avoid detention.

Such situations are universal. They are observed not only in our country but also abroad. For instance, in Potter County, Texas, J. Garrett Jr., during a long-standing dispute with his neighbors, the Nixons, and his own father, acting from hooligan motives, repeatedly threatened to use violence with the help of his Doberman Pinscher named Tiny. After the police arrived in an attempt to arrest him, he continued his criminal actions and set the dog on the officers. Garrett kept the dog agitated by holding its collar and commanded it to attack one police officer after another, presumably using commands similar to ours: 'Attack!',

¹ Приговор Долматовского районного суда Курганской области по уголовному делу № 1 -26.2013 от 5 апр. 2013 г. URL: <http://sudact.ru>.

¹ Verdict of the Dolmatovsky District Court of the Kurgan Region in criminal case No. 1-26.2013 of April 5, 2013. Available at: <http://sudact.ru>

«Возьми!», «Куси!» и т. п. Виновный, однако, не отпускал животное для атаки, но готов был сделать это реально. Один из полицейских был вынужден применить оружие и застрелил добермана¹.

Характер и степень общественной опасности любых зоологических преступлений непосредственно связаны с личностью виновного, свойствами и чертами его характера. Сведения об обстоятельствах совершенного преступления, которые отражаются в материалах уголовных дел и в приговорах, позволяют прогнозировать (хотя бы в общем виде) поведение лица в дальнейшем, в том числе в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Нарративные интервью с отдельными сотрудниками исправительных учреждений показали², что «зоологические» преступники, как правило, обладают набором волевых качеств. Они дисциплинированы, самостоятельны, решительны и уверены в себе. Такие лица способны сдерживать и контролировать свои чувства и эмоции, стараются не вступать в конфликты. Они в основном безразличны к чужим переживаниям и страданиям, безжалостны и как минимум не эмпатичны.

«Зоологические» преступники изобретательны и коварны, быстро приспосабливаются к окружающей обстановке. Такие лица весьма расчетливы и способны планировать свое внешнее поведение на длительный срок.

Вместе с тем выборочные исследования показали, что в отношении осужденных за преступления с использованием животных цели уголовно-исполнительного воздействия подчас труднодостижимы. Формирование у них уважительного (почтительного) отношения к любому человеку, к обществу и к труду бывает весьма сложным.

Соблюдение норм человеческого общежития, правил, традиций, порядка, поведения в социуме такими лицами нередко игнорируется. Соответственно, достижение еще одной цели исправительного воздействия – формирование правопослушного поведения (и, как следствие, предупреждение рецидива преступлений) – иногда не приводит к социально позитивному успеху.

Анализ умышленных преступлений, в которых животные использовались как орудие или средство совершения противоправных деяний, выявил особенности их применения в криминальных целях. Изучение судебно-следственной практики позволило констатировать, что преимущественно речь идет о собаках при совершении таких преступлений, как разбой, хулиганство и применение насилия в отношении представителя власти. Из всего сказанного выше возникает закономерный вопрос: если деструктивная связь «человек – животное» является криминогенным

фактором, возможно ли построение конструктивной связи для достижения целей ресоциализации?

Наше исследование не ограничивается исключительно негативными аспектами взаимодействия человека и животного в правовой сфере. Проведенный анализ позволяет перейти к рассмотрению противоположной роли животных – их предупредительного потенциала. Следующий раздел будет посвящен именно этому позитивному аспекту – применению животных в правоохранительной практике и программах ресоциализации, что логично продолжает предпринятое исследование.

2. Использование животных для предупреждения совершения новых преступлений

2.1. Законодательные установления и практическая реализация

В соответствии с ФЗ «О пробации» ее целями являются ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация (ч. 1 ст. 4). Согласно нормативному установлению под ресоциализацией понимается комплекс мер социально-экономического, педагогического и правового характера в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (п. 5 ст. 5). Такая ресоциализация (новая социализация) конструктивно связана как с социальной адаптацией (комплексом мероприятий для оказания помощи в целях стимулирования правопослушного поведения), так и с социальной реабилитацией (восстановлением утраченных связей и функций).

Самостоятельными целями пробации являются коррекция социального поведения и предупреждение совершения осужденными новых преступлений. По нашему мнению, весь процесс и результат ресоциализации осужденных к принудительным работам или к лишению свободы и заключается в формировании законопослушного поведения, чтобы лицо вновь не встало на преступный путь.

В соответствии с ФЗ «О пробации» одним из принципов ее осуществления является рациональность применения мер стимулирования правопослушного поведения (п. 4 ст. 3). Органы государственной власти вправе принимать программы (подпрограммы), в которых предусмотрены мероприятия, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных (п. 4 ст. 8). В рамках одной из таких подпрограмм целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о разработке совокупности действий, объединенных

‘Get them!’, ‘Bite!’, etc. He did not let the animal go for an attack but was ready to do so. One of the police officers had to use his weapon and shot the Doberman¹.

The nature and degree of public danger of any zoological crime are directly related to the characteristics and personality traits of the offender. Information about the circumstances of a crime, which is presented in the materials of criminal cases and sentences, allows for the prediction (at least in general terms) of the individual’s future behavior, including in institutions that ensure isolation from society.

Narrative interviews with some correctional facility employees showed² that ‘zoological’ offenders typically possess a set of willpower qualities. They are disciplined, independent, decisive, and self-confident. Such individuals can control and restrain their feelings and emotions, attempting to avoid conflicts. They are generally indifferent to the suffering and distress of others, ruthless, and, at the very least, not empathetic.

‘Zoological’ offenders are inventive and crafty, quickly adapting to the current context and situation. Such individuals are quite calculating and can plan their outward behavior over an extended period.

At the same time, selective studies have shown that in the case of those convicted for crimes involving animals, the goals of penal influence are sometimes difficult to achieve. It can be quite difficult to form in them a respectful (deferential) attitude to ward any person, society, and work.

Such individuals often ignore the norms of human coexistence, rules, traditions, and social behavior. Accordingly, achieving yet another goal of corrective influence – the formation of law-abiding behavior (and, as a result, the prevention of recidivism) – sometimes does not lead to socially positive results.

Our analysis of intentional crimes in which animals were employed as tools or means for committing unlawful acts has revealed certain features in the use of animals for criminal purposes. As shows judicial and investigative practice, in most cases these are crimes such as robbery, hooliganism, and the use of violence against representatives of authority with dogs involved. All the above leads us to a rhetorical question: if the destructive connection ‘human-animal’ is a criminogenic factor, is it

possible to establish a constructive connection aimed at achieving resocialization goals?

Our research is not limited to negative aspects of the interaction between humans and animals in the legal sphere. The next section of the paper discusses the opposite (positive) role of animals – their preventive potential. It focuses on the use of animals in law enforcement practices and resocialization programs, thus logically continuing the study.

2. The Use of Animals to Prevent the Commission of New Crimes

2.1. Legislative Regulations and Practical Implementation

According to the Federal Law ‘On Probation’, its goals include the resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of individuals subjected to probation (Part 1 of Article 4). According to the normative regulation, resocialization is understood to mean a set of measures of the socio-economic, pedagogical, and legal nature aimed at reintegrating individuals released from institutions that ensure isolation from society (Item 5 of Article 5). Such resocialization (new socialization) is constructively linked both to social adaptation (a set of activities to assist in stimulating law-abiding behavior) and to social rehabilitation (restoration of lost connections and functions).

Independent goals of probation include the correction of social behavior and the prevention of new crimes committed by convicts. In our opinion, the entire process of the resocialization of convicts sentenced to community service or imprisonment is aimed at forming law-abiding behavior so that the individual does not return to the ‘criminal path’.

According to the Federal Law ‘On Probation’, one of the principles of its implementation is the rationality of applying measures to stimulate law-abiding behavior (Item 4 of Article 3). State authorities are empowered to adopt programs (subprograms) that include activities aimed at the resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of convicts (Item 4 of Article 8). In our view, one such program worth considering is the development of a set of actions unified by

¹ См.: Уголовное дело Гаррет против Соединенных Штатов от 22 июля 1981 г. Апелляционный суд штата Техас. Коллегия № 1. URL: <http://www.casemine.com>.

² В период с 2022 по 2025 год было проведено интервью с 38 сотрудниками исправительных учреждений, в которых содержатся лица, осужденные за преступления, совершенные с использованием животных.

¹ See: *Garrett v. United States* case, July 22, 1981. Texas Court of Appeals. Panel No. 1. Available at: <http://www.casemine.com>

² From 2022 to 2025, interviews were conducted with 38 employees of correctional institutions that house individuals convicted of crimes committed using animals.

одной общественно значимой задачей – предупреждение новых преступлений с использованием животных.

Эта идея известна достаточно давно, еще начиная с XIX века. Попытки ее практической реализации в настоящее время неоднократно предпринимались в Австралии, США, Шотландии, Южной Америке, Японии и в других странах [15; 17; 23].

Программа ресоциализации осужденных и их подготовка к социальной реинтеграции также была разработана в Сербии в 2017–2018 годах [11, с. 8]. В ходе ее осуществления применялся метод наблюдения и полуструктурированный опрос сотрудников исправительного учреждения и осужденных, вовлеченных в программу. Уникальность этого комплекса мероприятий заключалась в том, что приют для собак, бродячих и брошенных хозяевами, в г. Сремска-Митровица был создан на территории исправительного учреждения. В дальнейшем программа осуществлялась совместными усилиями городских властей и администрацией учреждения.

В рамках повседневной работы осужденные обучали животных базовым навыкам и командам («сидеть», «стоять», «рядом», «ко мне» и т. п.), кормили, приучали к туалету, следили за внешним видом, выгуливали, для того чтобы подготовить их для передачи в семьи, другим людям. В социальной практике такие животные известны как собаки-компаньоны. Они могут обучаться и для обслуживания слабовидящих или слепых [19], лиц с психическими расстройствами [18], пожилых людей [13]. В российских условиях это могут быть участники СВО, пострадавшие от боевых действий, террористических актов и другие люди, нуждающиеся в психологической поддержке.

Собаки, используемые для ресоциализации осужденных, могут быть самыми разными: различных пород, размеров и возраста, а также смешанными полигибридами («дворняги»). Эти животные не пригодны для служебной деятельности, как специальное средство, а также в качестве розыскных, патрульно-розыскных, караульных или собак по поиску наркотиков, взрывчатых веществ, запрещенных предметов и т. п. Они не подходят под юридическую категорию «служебные животные», и к ним не применяются положения ведомственного нормативного акта о порядке обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации¹.

Правовой режим собак, используемых для ресоциализации, должен регулироваться правоустановлениями Федерального закона «Об ответственном

обращении с животными»². Собаки в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, могут подпадать под категорию «животные без владельца», то есть те, которые до их помещения в исправительное учреждение не имели владельца (собственника) или владелец которых неизвестен.

Самостоятельный отлов таких животных в России не допускается. Однако их содержание в полном объеме подпадает под действие федерального законодательства и не противоречит целям укрепления нравственности, обеспечения безопасности и защиты прав и законных интересов граждан (ст. 1 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»).

Приобретение таких собак и их безвозмездная передача может происходить на основе соглашения с муниципальными приютами для бездомных животных. Время обучения может варьироваться от 3 месяцев до полутора лет. Как указано в иностранной литературе, опыт содержания собак-компаньонов показал, что финансовые затраты исправительных учреждений минимальные, по крайней мере по сравнению с затратами на профессиональных кинологов [12]. Каковы будут финансовые затраты в России – нам, разумеется, неизвестно. Однако вряд ли они будут большими, чем на содержание служебных животных.

Одной из проблем ресоциализации осужденных с использованием собак является определение конкретного лица, способного достичь успеха при осуществлении программы. Вполне понятно, что осужденный должен добровольно участвовать в подобных мероприятиях.

При отборе таких лиц необходимо учитывать их предыдущие судимости, характер и число нарушений режима содержания, окончание срока наказания, характеристику личностных качеств и т. п. Здесь нужен индивидуальный подход и никаких формальных ограничений не должно быть.

Вместе с тем вряд ли целесообразно (в качестве ориентира), хотя бы на первоначальном этапе, привлекать к участию в программе осужденных за преступления, совершенные с особой жестокостью по отношению к потерпевшему, с применением издевательств и мучительного сексуального насилия и т. д. Это предположение основано на известном постулате: «Любовь к животным не исключает ненависти к людям». Вряд ли приемлемо, на наш взгляд, и применение программы к осужденным, которые использовали животных для совершения насильственных преступлений или связанных с жестоким обращением с ними.

a socially significant mission – prevention of new crimes through the use of animals.

This idea is not new, dating back to the 19th century. Attempts to implement it have repeatedly been made in Australia, the USA, Scotland, South America, Japan, and other countries [15; 17; 23].

A program for the resocialization of convicts and their preparation for social reintegration was also developed in Serbia in 2017-2018 [11, p. 8]. The methods used in the program were observation and semi-structured interviews with a correctional facility staff and convicts participating in the program. Under the program, within the premises of the correctional facility in Sremska Mitrovica was created a shelter for stray and abandoned dogs. Subsequently, the program was carried out through the joint efforts of city authorities and the facility's administration.

As part of their daily work, convicts trained animals in basic skills and commands (sit, stand, heel, come, etc.), fed them, house-trained them, took care of their appearance, and walked them, all this in order to prepare them for placement with families, other individuals. In social practice, such animals are known as companion dogs. They can also be trained to assist people with visual impairments or blindness [19], individuals with mental disorders [18], and the elderly [13]. In the Russian context, such people may include participants in the Special Military Operation (SVO), victims of combat actions, terrorist acts, and other individuals in need of psychological support.

Dogs used for the resocialization of convicts can vary widely in breed, size, and age, these can be mixed-breed polyhybrids ('mongrels'). These animals are not suitable for service (including police) activities, for search, patrol, sentry activities, or for detection of drugs, explosives, prohibited items, etc. They do not fall under the legal category of 'service animals'; the provisions of the departmental regulatory act concerning the handling of service animals in institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation do not apply to them¹.

The legal regime governing dogs used for resocialization should be regulated by the provisions of the Federal Law 'On Responsible Animal

Treatment'². Dogs in institutions ensuring isolation from society may fall under the category of 'animals without owners', which means that they did not have an owner (proprietor) before their placement in a correctional facility or that their owner is unknown.

The independent capture of such animals is not permitted in Russia. However, their maintenance fully falls under federal legislation and does not contradict the goals of strengthening morality, ensuring safety, and protecting the rights and legitimate interests of citizens (Article 1 of the Federal Law 'On Responsible Animal Treatment').

Acquisition of such dogs and their gratuitous transfer can occur based on agreements with municipal shelters for stray animals. The training duration can vary from 3 months to a year and a half. As noted in foreign literature, the experience of keeping companion dogs has shown that the financial costs for correctional institutions are minimal, at least compared to the costs of professional dog trainers [12]. While we cannot know the exact financial costs in Russia, it is unlikely that they will be higher than those for maintaining service animals.

One of the challenges in the resocialization of convicts with the use of dogs is determining which specific individuals can successfully participate in the program. It is clear that convicts should voluntarily participate in such activities.

When selecting individuals for participation, it is necessary to take into account their prior convictions, the nature and number of disciplinary violations, the remaining sentence length, their personal qualities, and other factors. An individual approach is necessary, and there should be no formal restrictions in this regard.

At the same time, it may not be advisable, at least in the initial stages, to involve convicts who have committed crimes with particular cruelty against victims, including acts of torture or painful sexual violence. This assumption is based on the well-known postulate: 'a love for animals does not exclude hate for people'. It seems unacceptable to apply the program to convicts who have used animals to commit violent crimes or have been involved in cruel treatment of animals.

¹ Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ ФСИН России от 31 дек. 2019 г. № 1210 (ред. от 15.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 53, ст. 8424.

¹ On the Approval of the Procedure for Handling Service Animals in Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1210 of December 31, 2019 (as of July 15, 2024). Access from the legal information system 'ConsultantPlus'.

² On Responsible Animal Treatment and on the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 498-FZ of December 27, 2018 (as of August 8, 2024). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2018. No. 53. Art. 8424.

Так, например, некто Ш. и трое не установленных следствием лиц совершили разбойное нападение на семью С., проживающую в Новосибирской области. Преступники под угрозой физической расправы связали всех находившихся в комнате потерпевших. Ш., с целью более наглядной демонстрации своих угроз, схватил за голову бегавшую по квартире комнатную миниатюрную собаку породы карликовый пинчер и ножом перерезал ей горло. После этого Ш. показал жене С. окровавленный труп и бросил его на диван. Ш. заявил потерпевшей, что если она не отдаст ценности, то он также сделает это с ней и с детьми. Деморализованная хозяйка квартиры отдала деньги и золото. В дальнейшем Ш. был задержан и осужден [3, с. 152–153].

2.2. Критическое отношение к программам ресоциализации осужденных с использованием животных

Трудность в осуществлении программ коррекции социального поведения и предупреждения совершения новых преступлений заключается в ряде обстоятельств объективного и субъективного характера. Прежде всего необходимо учитывать утилитарный характер самих исправительных учреждений, которые направлены не на обеспечение целостного благополучия содержащихся в них лиц, а на управление осужденными и заключенными, а также обеспечение безопасности [21]. Также проблемы могут быть связаны с предвзятостью сотрудников исправительного учреждения в определении осужденного для реализации программы. Как указывается в зарубежной литературе, маловероятно, чтобы администрация исправительного учреждения подходила к такому выбору случайным образом, поскольку необходимо, чтобы осужденный характеризовался положительно и у него не было дисциплинарных нарушений режима [14].

Приведенные трудности объективного характера имеют важное значение. Однако они не являются определяющими, поскольку в отношении конкретного осужденного (в том числе с наличием дисциплинарных нарушений) может существовать заранее сложившееся мнение, основанное на неприязненных отношениях к нему, на предубеждениях сотрудников исправительного учреждения. При таком субъективном отношении выбор осужденного может оказаться неверным, поскольку будет зависеть от неопределенно-волевых предпочтений.

В российских условиях критическое отношение к программе ресоциализации осужденных может быть основано на нормативном запрете содержать животных и птиц в исправительных учреждениях¹. Однако это правовое установление касается только осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и не распространяется на управленческую деятельность

администрации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В случае принятия соответствующих программ вполне допустимо, на наш взгляд, дополнить регулирование этого аспекта организационной деятельности в сфере probation.

В юридической литературе других государств неоднократно отмечалось, что нет эмпирических и достоверных данных, подтверждающих эффективность подобных программ. Нет и конкретных сведений о снижении уровня рецидива или его недопущении в отношении лиц, подвергнутых probation [20].

Однако различные социально-психологические исследования показывают, что использование программ с участием собак приводит по крайней мере к двум позитивным обстоятельствам.

Во-первых, с помощью метода инвентаризации социальных навыков зафиксировано улучшение так называемой «социальной чувствительности». Это понятие определяется как способность лица интерпретировать вербальное общение и восприимчивость к внешним воздействиям (собственно чувствительность) и к нормам, регулирующим социальное поведение [14]. Многочисленные сообщения осужденных и сотрудников исправительных учреждений об использовании программ в подавляющем большинстве случаев были положительными [16]. Опросы осужденных показали, что программа не только снизила депрессию и уровень агрессии, но и повысила моральный подъем (ответственность, сострадание, терпимость и т. п.) [22].

Во-вторых, несмотря на то что статистических показателей эффективности программ пока не существует, есть косвенные данные о значительном снижении уровня рецидива. Так, отмечалось, что новые преступления начиная с момента окончания программы (2008 г.) совершили только 3 % бывших осужденных [20]. Исследование, проведенное в 2014 году, подтвердило вывод об относительно низком уровне рецидива для участников программы (7 %) по сравнению с лицами из контрольной группы [11].

Ранее, в 2007 году, в США был проведен опрос сотрудников одного из исправительных учреждений, в результате которого отмечалось, что за 4–5 лет с момента освобождения ни один из участников программы не совершил нового преступления (уровень рецидива – 0 %). Однако указывалось, что необходимо критически относиться к этому результату: во-первых, эти сведения были получены неофициальным путем, а во-вторых, не учитывалось, что осужденные могли переводиться из одного исправительного учреждения в другое [15].

При оценке позитивных свойств программ с участием животных отмечается, что осужденные после освобождения могут использовать полученные

For instance, an individual Sh. and three unidentified accomplices committed a robbery against the S. family living in the Novosibirsk Region. Under the threat of physical harm, the criminals tied up all the victims in the room. Sh. seized a small domestic dog of the miniature pinscher breed, held it by the head, and slit its throat with a knife to demonstrate his threats more vividly. Afterward, Sh. showed the bloody carcass to S.'s wife and threw it on the couch, threatening that if she did not hand over valuables, he would do the same to her and her children. The demoralized homeowner handed over money and gold. Sh. was later detained and convicted [3, pp. 152–153].

2.2. Critical Attitude Toward Resocialization Programs for Convicts With the Use of Animals

The difficulties in conducting programs aiming to correct social behavior and prevent new crimes arise from various objective and subjective circumstances. First and foremost, the utilitarian nature of correctional institutions must be taken into account: they are aimed not at ensuring the holistic well-being of the individuals contained in them but rather at managing convicts and ensuring security [21]. Additionally, issues may arise from the bias of correctional facility staff in selecting convicts for program participation. As noted in foreign literature, it is unlikely that the administration of a correctional institution would approach such selection randomly as the selected convict would need to have a positive characterization and no disciplinary violations [14].

The outlined objective difficulties are significant. However, they are not determinative as there may already be a preconceived opinion about a specific convict (even one with disciplinary violations) based on personal biases or attitudes of the correctional facility staff. With such subjective perspectives, the selection of the convict may be erroneous since it will depend on uncertain volitional preferences.

In the Russian context, a critical attitude toward the resocialization program for convicts may stem from the normative prohibition on keeping animals and birds in correctional institutions¹. However, this legal regulation only concerns convicts and individuals in custody and does not extend to the administrative activities of the management of institutions ensuring isolation from

society. It seems to us that if such programs are adopted, regulations concerning this aspect of probation activities should be supplemented.

In legal literature from other countries, it has been repeatedly noted that there is no empirical or reliable data confirming the effectiveness of such programs. There is no specific information on the reduction of recidivism or its prevention regarding individuals subjected to probation [20].

However, repeated socio-psychological studies indicate that the use of programs involving dogs leads, at the very least, to two positive circumstances.

First, using the method of social skills inventory ensures an improvement in what is called 'social sensitivity'. It is defined as a person's ability to interpret verbal communication and their receptiveness to external influences (sensitivity itself) and to the norms regulating social behavior [14]. Numerous reports from convicts and correctional facility staff regarding the use of these programs have been overwhelmingly positive [16]. Surveys of convicts revealed that the program not only reduced levels of depression and aggression but also improved morale (responsibility, compassion, tolerance, etc.) [22].

Second, although there are currently no statistical indicators showing the effectiveness of the programs, there is indirect data suggesting a significant reduction in recidivism rates. It was noted that only 3% of former convicts had committed new crimes since the completion of the program (in 2008) [20]. A study conducted in 2014 confirmed the conclusion about a relatively low recidivism rate for the program participants (7%) compared to individuals from the control group [11].

Earlier, in 2007, a survey of staff in one of the correctional institutions in the USA indicated that none of the program participants had committed a new crime within 4-5 years of their release (recidivism rate – 0%). However, it was noted that this result should be viewed critically: first, this information was obtained unofficially; second, it did not consider the fact that convicts may have been transferred from one correctional institution to another [15].

In the assessment of positive properties of programs involving animals, it is noted that upon release convicts can use the knowledge and skills acquired

¹ О правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс]: Приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295 (ред. от 22.09.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ On the Rules of Internal Procedure for Correctional Institutions: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 295 of December 16, 2016 (as of September 22, 2021). Access from the legal information system 'ConsultantPlus'.

знания и навыки при трудоустройстве. Это может осуществляться в различных сферах социальной жизни: в ветеринарных клиниках, в приютах для животных при организации культурно-зрелищных мероприятий, в спортивных соревнованиях, в просветительской деятельности, на выставках животных и т. п. Соответственно, реализация таких возможностей может послужить основой для коррекции социального поведения и предупреждения любого вида рецидива – «простого», опасного или особо опасного (ст. 18 УК РФ).

Гарантий относительно того, что лицо, освобожденное из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, не совершит нового преступления, никто дать не может. Ни одна из социальных программ, в том числе probation, не в состоянии работать на 100 % и не может обеспечить абсолютную защиту от рецидива.

Соответственно, можно утверждать, что и ресоциализация осужденных с использованием животных – это социально-юридический идеал. Однако любой идеал, как и каждое стремление к совершенству, в практическом плане недостижим. Вполне понятно и то, что по своему общественно позитивному содержанию таким же идеальным стремлением обладают и другие нормативные установления. Например, уголовное законодательство, одна из целей наказания которого – предупреждение совершения новых преступлений, а также уголовно-исполнительное законодательство, регулирующее меры исправления осужденных и стимулирования их правоопушного поведения.

К такого рода правоустановлениям относится и федеральное законодательство о probation, направленное на предупреждение рецидива преступлений. Нормативное достижение такой цели, в том числе через возможное принятие программ ресоциализации с использованием животных, может осуществляться в ходе воспитательной работы с осужденными, оказания им психологической помощи и социальной поддержки в дальнейшем трудоустройстве (п. 1, 2, 5 ст. 17 ФЗ «О probation»).

Руководство ФСИН России заинтересовано в таких социальных мероприятиях. В частности, отмечалась необходимость активизации работы по заключению соглашений с социально ориентированными некоммерческими организациями и общественными объединениями, специализирующимися на оказании психологической помощи населению или имеющими право оказывать ее с целью реализации положений статьи 4 ФЗ «О probation» (цели и задачи). То же касается и более активного вовлечения органов местного самоуправления и религиозных объединений по оказанию психологической помощи лицам, в отношении которых применяется probation.

Соответственно, речь идет всё о той же коррекции социального поведения и в конечном итоге о предупреждении рецидива преступлений. Организация такой работы может быть возложена на созданные в настоящее время центры probation.

Заключение

По нашему мнению, необходим дальнейший анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике при использовании животных, как в негативном, так и в позитивном плане. Проведенное исследование ограничивается тремя составными преступлениями. Последующее изучение могло бы охватить и такие умышленные преступления и (или) покушения на них, как незаконная пересылка наркотических средств или психотропных веществ в исправительные учреждения с помощью животных (голуби, кошки и др.). Подобные сообщения встречаются, но они не подвергались критическому анализу.

Малоизученным является и вопрос о неправомерном использовании служебных собак как специального средства в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Превышение служебных полномочий возможно: при отражении нападения на сотрудника учреждения; при пресечении преступления или физического сопротивления, которое оказывает осужденный; при его побеге; при задержании, конвоировании или охране осужденных; при попытках их насильственного освобождения; для пресечения массовых беспорядков и группового, насильственного нарушения режима содержания; для защиты охраняемых объектов уголовно-исполнительной системы; для блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия на территориях, прилегающих к объектам охраны и т. д. Речь, по существу, идет о превышении пределов необходимой обороны или превышении мер, необходимых для задержания преступника. Социологические и статистические сведения о таких преступлениях весьма ограничены.

Опыт критического анализа, как отражение в сознании социальных изменений при их логическом и эмпирическом познании, свидетельствует, на наш взгляд, и о необходимости разработки ресоциализационных программ (подпрограмм) с использованием животных в контексте их влияния на предупреждение рецидива преступлений. В рамках указанного направления также целесообразно изучение опыта пенитенциарной и постпенитенциарной probation в зарубежных странах и определение тенденций и перспектив в данной сфере в целом.

Вполне возможно, на наш взгляд, и проведение социально-психологического и уголовно-исполнительного эксперимента в данном направлении. Об эффективности программы с использованием животных, видимо, можно говорить, если лицо в течение трех (пяти) лет после освобождения не совершит нового преступления. Разумеется, определение количественных и качественных критериев такой эффективности – это дело будущего. Однако предлагаемый реабилитационный механизм, на наш взгляд, требует поддержки.

in the program for their employment. This can occur in various spheres of social life: in veterinary clinics, in animal shelters, when organizing cultural and recreational events, in sporting competitions, in educational activities, at animal exhibitions, etc. Accordingly, the realization of such opportunities could serve as a basis for correcting social behavior and preventing any type of recidivism – ‘regular’, dangerous, or especially dangerous (Article 18 of the Criminal Code).

No one can guarantee that a person released from institutions ensuring isolation from society will not commit a new crime. None of the social programs, including probation, can work 100% or provide absolute protection against recidivism.

Thus, it can be argued that the resocialization of convicts using animals is a social-legal ideal. However, any ideal, like every pursuit of perfection, is practically unattainable. Naturally, other normative regulations, with their socially positive content, have the same idealistic aspirations. For example, this refers to criminal legislation, one of the objectives of which is to prevent new crimes, as well as penal legislation regulating measures for the correction of convicts and stimulating their law-abiding behavior.

This type of legal regulations includes federal legislation on probation, aimed at preventing the recidivism of crimes. The normative achievement of such a goal, including through the possible adoption of resocialization programs involving animals, can be achieved through educational work with convicts, through offering them psychological assistance and social support in future employment (Items 1, 2, 5 of Article 17 of the Federal Law ‘On Probation’).

The administration of the Federal Penitentiary Service of Russia is interested in such social activities. Specifically, it has been noted that there is a need to enhance efforts to conclude agreements with socially oriented non-profit organizations and public associations specializing in or authorized to provide psychological assistance to the population to implement the provisions of Article 4 of the Federal Law ‘On Probation’ (goals and objectives). The same applies to more active involvement of local self-government bodies and religious organizations in providing psychological assistance to individuals subjected to probation.

In essence, the above said revolves around the same correction of social behavior and, ultimately, the prevention of recidivism. The organization of such work can be entrusted to created probation centers.

Conclusion

In our opinion, further research is needed on the issues arising in law enforcement practice regarding the use of animals, both from negative and positive perspectives. The presented research is limited to three types of crimes. Subsequent studies could also encompass intentional crimes and/or attempts at illegal activities, such as the unlawful delivery of narcotic drugs or psychotropic substances into correctional institutions using animals (pigeons, cats, etc.). Such reports do exist but have not been critically analyzed.

The question of the unlawful use of service dogs as special instruments in institutions ensuring isolation from society is also underexplored. The abuse of power may occur in the following situations: when repulsing an attack on a staff member; when preventing a crime or physical resistance by a convict; during an escape; during detention, conveying, or guarding convicts; in response to attempts of their forcible release; when suppressing riots and group violent violations of conditions; when protecting secured objects of the penal system; when blocking movements of groups of citizens committing unlawful acts in areas adjacent to secure facilities, etc. Essentially, this is the question of exceeding the limits of necessary defense or exceeding the measures necessary for detaining a criminal. Sociological and statistical data on such crimes are quite limited.

The experience of critical analysis, as a reflection in the consciousness of social changes through their logical and empirical exploration, indicates the need for the development of resocialization programs (sub-programs) using animals in the context of their influence on recidivism prevention. In this field, it would be advisable to conduct research into penitentiary and post-penitentiary probation in foreign countries in order to determine trends and prospects in the sphere in general.

We also believe it is quite possible to conduct a socio-psychological and penal experiment in this field. The effectiveness of programs using animals can evidently be gauged if an individual does not commit a new crime within three (to five) years after release. Of course, defining the quantitative and qualitative criteria for such effectiveness is a task for the future. In general, the proposed rehabilitation mechanism appears to be worth supporting.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: ИНФРА-М, 1995. 319 с.
2. Борисов С. В., Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. и др. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / под ред. Н. Д. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.
3. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 284 с.
4. Корецкий Д. Криминальная армалогия. Учение о правовом режиме оружия. М.: Изд-во АСТ, 2010. 480 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1986. 928 с.
6. Орешкина Т. Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 17–20.
7. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987. 55 с.
8. Применение насилия. Понятие и квалификация: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2016. 334 с.
9. Снизирев С. И., Покорняк В. П. Книга о вашей собаке. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1990. 208 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. М.: Наука, 1994. Т. 1: Часть общая. 419 с.
11. Batričević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application // Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja. 2019. Vol. 38. № 1. Pp. 7–21.
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities // Journal of Family Social Work. 2006. Vol. 9. № 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06.
13. Codd H. Paws for thought? Developing dog projects for older people in prison // Quality in Ageing and Older Adults. 2023. Vol. 24. № 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069.
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. E. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills // Behavior and Social Issues. 2007. Vol. 16. № 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385.
15. Furst G. Prison-based animal programs: A national survey // The Prison Journal. 2006. Vol. 86. № 4. Pp. 407–430.
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release Employment and Recidivism: PhD dissertation. The Florida State University, 2016. 120 p.
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-assisted Program in a Japanese Prison // Asian Criminology. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3.

18. Larkin P. J. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs // Catholic University Law Review. 2017. Vol. 66. № 3. Pp. 565–634.
19. Larkin P. J. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation // Legal Memorandum / The Heritage Foundation Legal Memorandum. 2018. № 234. 7 p.
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Güeita-Rodríguez J., Serrada-Tejeda S., García-Medrandá A., Pacheco-Guijarro A., PachecaFlores C., Pérez-Corralés J. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study // Animals. 2025. Vol. 15. № 3. DOI: 10.3390/ani15030379.
21. Santaniello A., Garzillo S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review // Animals (Basel). 2021. Vol. 11. № 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576.
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program // Federal Probation Journal. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43.
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review // Animals. 2020. № 10(11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129.

References

1. Antonyan Yu. M. *Zhestokost' v nashey zhizni* [Cruelty in Our Life]. Moscow, 1995. 319 p. (In Russ.).
2. Borisov S. V., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. et al. *Neobkhdimaya oborona, kraynyaya neobkhdimost', zaderzhanie prestupnika (pravovaya otsenka deystviy sotrudnikov politsii)* [Necessary Defense, Extreme Necessity, Detention of a Criminal (Legal Assessment of Police Actions)]. Moscow, 2012. 192 p. (In Russ.).
3. Kitaeva V. N. *Zhivotnye i prestupleniya: ugovovno-pravovoe i kriminalisticheskoe issledovanie* [Animals and Crimes: A Criminal Law and Forensic Study]. Irkutsk, 2010. 284 p. (In Russ.).
4. Koretskiy D. A. *Kriminal'naya armalogiya. Uchenie o pravovom rezhime oruzhiya* [Criminal Armalogy. The Doctrine of the Legal Regime of Weapons]. Moscow, 2006. 480 p. (In Russ.).
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 18th ed. Moscow, 1986. 797 p. (In Russ.).
6. Oreshkina T. Yu. *Kraynyaya neobkhdimost' kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya* [Extreme Necessity as a Circumstance Precluding Criminality of an Act]. *Ugovovnoe pravo – Criminal Law*. 1999. Issue 3. Pp. 17–20. (In Russ.).
7. Pobegaylo E. F., Revyn V. P. *Neobkhdimaya oborona i zaderzhanie prestupnika v deyatel'nosti OVD* [Necessary Defense and Detention of a Criminal in the Activities of the Internal Affairs Bodies]. Moscow, 1987. 55 p. (In Russ.).

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: ИНФРА-М, 1995. 319 с.
2. Борисов С. В., Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. и др. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / под ред. Н. Д. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.
3. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 284 с.
4. Корецкий Д. Криминальная армалогия. Учение о правовом режиме оружия. М.: Изд-во АСТ, 2010. 480 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1986. 928 с.
6. Орешкина Т. Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 1999. № 3. С. 17–20.
7. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987. 55 с.
8. Применение насилия. Понятие и квалификация: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2016. 334 с.
9. Снизирев С. И., Покорняк В. П. Книга о вашей собаке. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1990. 208 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. М.: Наука, 1994. Т. 1: Часть общая. 419 с.
11. Batričević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application // Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja. 2019. Vol. 38. № 1. Pp. 7–21.
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities // Journal of Family Social Work. 2006. Vol. 9. № 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06.
13. Codd H. Paws for thought? Developing dog projects for older people in prison // Quality in Ageing and Older Adults. 2023. Vol. 24. № 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069.
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. E. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills // Behavior and Social Issues. 2007. Vol. 16. № 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385.
15. Furst G. Prison-based animal programs: A national survey // The Prison Journal. 2006. Vol. 86. № 4. Pp. 407–430.
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release Employment and Recidivism: PhD dissertation. The Florida State University, 2016. 120 p.
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-assisted Program in a Japanese Prison // Asian Criminology. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3.

18. Larkin P. J. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs // Catholic University Law Review. 2017. Vol. 66. № 3. Pp. 565–634.
19. Larkin P. J. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation // Legal Memorandum / The Heritage Foundation Legal Memorandum. 2018. № 234. 7 p.
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Güeita-Rodríguez J., Serrada-Tejeda S., García-Medrandá A., Pacheco-Guijarro A., PachecaFlores C., Pérez-Corralés J. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study // Animals. 2025. Vol. 15. № 3. DOI: 10.3390/ani15030379.
21. Santaniello A., Garzillo S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review // Animals (Basel). 2021. Vol. 11. № 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576.
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program // Federal Probation Journal. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43.
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review // Animals. 2020. № 10(11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129.

References

1. Antonyan Yu. M. *Zhestokost' v nashey zhizni* [Cruelty in Our Life]. Moscow, 1995. 319 p. (In Russ.).
2. Borisov S. V., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. et al. *Neobkhdimaya oborona, kraynyaya neobkhdimost', zaderzhanie prestupnika (pravovaya otsenka deystviy sotrudnikov politsii)* [Necessary Defense, Extreme Necessity, Detention of a Criminal (Legal Assessment of Police Actions)]. Moscow, 2012. 192 p. (In Russ.).
3. Kitaeva V. N. *Zhivotnye i prestupleniya: ugovovno-pravovoe i kriminalisticheskoe issledovanie* [Animals and Crimes: A Criminal Law and Forensic Study]. Irkutsk, 2010. 284 p. (In Russ.).
4. Koretskiy D. A. *Kriminal'naya armalogiya. Uchenie o pravovom rezhime oruzhiya* [Criminal Armalogy. The Doctrine of the Legal Regime of Weapons]. Moscow, 2006. 480 p. (In Russ.).
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 18th ed. Moscow, 1986. 797 p. (In Russ.).
6. Oreshkina T. Yu. *Kraynyaya neobkhdimost' kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya* [Extreme Necessity as a Circumstance Precluding Criminality of an Act]. *Ugovovnoe pravo – Criminal Law*. 1999. Issue 3. Pp. 17–20. (In Russ.).
7. Pobegaylo E. F., Revyn V. P. *Neobkhdimaya oborona i zaderzhanie prestupnika v deyatel'nosti OVD* [Necessary Defense and Detention of a Criminal in the Activities of the Internal Affairs Bodies]. Moscow, 1987. 55 p. (In Russ.).

8. *Primenenie nasiliya. Ponyatie i kvalifikatsiya* [The Use of Violence. Concept and Qualification]. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow, 2016. 334 p. (In Russ.).
9. Snigirev S. I., Pokorniyak V. P. *Kniga o vashey sobake* [A Book about Your Dog]. Barnaul, 1990. 208 p. (In Russ.).
10. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya* [Russian Criminal Law: Lectures: General Part]. Moscow, 1994. Vol. 1. 419 p. (In Russ.).
11. Batričević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application. *Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja*. 2019. Issue 38(1). Pp. 7–21. (In Eng.).
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities. *Journal of Family Social Work*. 2006. Vol. 9. Issue 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06. (In Eng.).
13. Codd H. Paws for Thought? Developing Dog Projects for Older People in Prison. *Quality in Ageing and Older Adults*. 2023. Vol. 24. Issue 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069. (In Eng.).
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. V. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills. *Behavior and Social Issues*. 2007. Vol. 16. Issue 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385. (In Eng.).
15. Furst G. Prison-Based Animal Programs: A National Survey. *The Prison Journal*. 2006. Vol. 86. Issue 4. Pp. 407–430. (In Eng.).
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release

Информация об авторах:**А. М. Плешаков**

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4166-9280
ResearcherID: NNG-4378-2025

Г. С. Шкабин

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1908-668X
ResearcherID: AAT-7326-2020

- Employment and Recidivism: PhD dissertation. Florida State University, 2016. 174 p. (In Eng.).
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-Assisted Program in a Japanese Prison. *Asian Criminology*. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3. (In Eng.).
18. Larkin P. J., Jr. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs. *Catholic University Law Review*. 2017. Vol. 66. Issue 3. Pp. 565–634. (In Eng.).
19. Larkin P. J., Jr. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation. *Legal Memorandum*. The Heritage Foundation. 2018. Issue 234. 7 p. (In Eng.).
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Güeita-Rodríguez J. et al. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study. *Animals*. 2025. Vol. 15. Issue 3. DOI: 10.3390/ani15030379. (In Eng.).
21. Santaniello A., Garzillo S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review. *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11. Issue 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576. (In Eng.).
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program. *Federal Probation Journal*. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43. (In Eng.).
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review. *Animals*. 2020. Issue 10 (11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129. (In Eng.).

About the authors:**A. M. Pleshakov**

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia
15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0003-4166-9280
ResearcherID: NNG-4378-2025

G. S. Shkabin

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia
15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0002-1908-668X
ResearcherID: AAT-7326-2020

8. *Primenenie nasiliya. Ponyatie i kvalifikatsiya* [The Use of Violence. Concept and Qualification]. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow, 2016. 334 p. (In Russ.).
9. Snigirev S. I., Pokorniyak V. P. *Kniga o vashey sobake* [A Book about Your Dog]. Barnaul, 1990. 208 p. (In Russ.).
10. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya* [Russian Criminal Law: Lectures: General Part]. Moscow, 1994. Vol. 1. 419 p. (In Russ.).
11. Batričević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application. *Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja*. 2019. Issue 38(1). Pp. 7–21. (In Eng.).
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities. *Journal of Family Social Work*. 2006. Vol. 9. Issue 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06. (In Eng.).
13. Codd H. Paws for Thought? Developing Dog Projects for Older People in Prison. *Quality in Ageing and Older Adults*. 2023. Vol. 24. Issue 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069. (In Eng.).
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. V. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills. *Behavior and Social Issues*. 2007. Vol. 16. Issue 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385. (In Eng.).
15. Furst G. Prison-Based Animal Programs: A National Survey. *The Prison Journal*. 2006. Vol. 86. Issue 4. Pp. 407–430. (In Eng.).
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release

Информация об авторах:**А. М. Плешаков**

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4166-9280
ResearcherID: NNG-4378-2025

Г. С. Шкабин

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1908-668X
ResearcherID: AAT-7326-2020

- Employment and Recidivism: PhD dissertation. Florida State University, 2016. 174 p. (In Eng.).
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-Assisted Program in a Japanese Prison. *Asian Criminology*. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3. (In Eng.).
18. Larkin P. J., Jr. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs. *Catholic University Law Review*. 2017. Vol. 66. Issue 3. Pp. 565–634. (In Eng.).
19. Larkin P. J., Jr. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation. *Legal Memorandum*. The Heritage Foundation. 2018. Issue 234. 7 p. (In Eng.).
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Güeita-Rodríguez J. et al. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study. *Animals*. 2025. Vol. 15. Issue 3. DOI: 10.3390/ani15030379. (In Eng.).
21. Santaniello A., Garzillo S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review. *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11. Issue 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576. (In Eng.).
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program. *Federal Probation Journal*. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43. (In Eng.).
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review. *Animals*. 2020. Issue 10 (11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129. (In Eng.).

About the authors:**A. M. Pleshakov**

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia
15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0003-4166-9280
ResearcherID: NNG-4378-2025

G. S. Shkabin

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia
15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0002-1908-668X
ResearcherID: AAT-7326-2020